

Раздел 2. Проблемы рецепции и интерпретации
в мировой литературе и культуре

УДК 821.111

doi 10.17072/2304-909X-2024-18-98-105

ТЕНЬ ДАНТЕ НА СТРАНИЦАХ ПОЭМЫ Э. ПАУНДА
«THE CANTOS»

Людмила Викторовна Братухина

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Статья поступила в редакцию: 01.06.2024

В статье исследуется интертекст в поэме «The Cantos», связанный с такими источниками, как произведения Данте Алигьери, одного из авторитетнейших предшественников для Э. Паунда. Анализируется входящее в цикл «Рок Дрилл» (1953–1956) Санта ХСП, в тексте которого интерпретируются цитаты и аллюзии из «Пира» Данте. В ходе анализа выявляются отразившиеся в тексте Санта ХСП представления об устройстве мироздания и движущих его силах, заимствованные Паундом у Данте. Подчеркивается значимая для произведения американского автора идея «интернационального» интертекста, содержащаяся цитируемых в тексте Санта ХСП фрагментах «Пира». Прослеживаются у Данте и Паунда сходные мотивы в понимании специфики осуществления созерцания истины как наивысшей цели разумного человека. Делается вывод о значимости данного претекста для понимания Санта ХСП.

Ключевые слова: Э. Паунд, «Кантос», канто ХСП, Данте, «Пир», «Божественная Комедия», неоплатонизм, интертекст.

Эссе «В тени Данте» И. Бродский начинает с размышления о влиянии великих предшественников на поэтическое творчество: «В отличие от жизни произведение искусства никогда не принимается как нечто само собой разумеющееся: его всегда рассматривают на фоне предтеч и предшественников. Тени великих особенно видны в поэзии... значительная часть труда любого поэта подразумевает полемику с этими тенями, горячее или холодное дыхание которых он чувствует затылком или вынужден чувствовать стараниями литературных критиков» [Брод-

ский 1996: 11]. В поэме Э. Паунда «The Cantos» (1915–1970) «тени великих» являются отражением модернистской интертекстуальности, понимаемой как обращение к традиции, сохраняющей основы гармонии в хаосе современности. Среди множества претекстов, обращение к которым американский автор открыто провозглашает на страницах своего произведения, эпические поэмы Гомера, Вергилия, Овидия, поэзия трубадуров, философские труды неоплатоников, учение Конфуция и т. п. Отдельно следует упомянуть сочинения Данте Алигьери.

Влияние этого автора, проявившееся в различных составляющих поэтики произведения Э. Паунда, рассматривали в своих работах многие исследователи. Э. Фасселл находит в «The Cantos» новое понимание «Божественной Комедии» «в смелой оригинальной манере», отделенное «от томизма, христианства и даже Вергилия» [Fussell 1970: 75]. Л. Симпсон [Simpson 1975] и Р. Буш [Bush 1976] прослеживают в замысле поэмы Паунда идею пути из Ада через Чистилище к Раю. П. Либригтс рассматривает дантовский интертекст в поэме с точки зрения отображения неоплатонических идей, отмечая такие конкретные отсылки к «Божественной Комедии», как упоминание в едином контексте исторических, мифологических и литературных персонажей, многократно повторяемый сюжет восхождения души из Ада бездуховного плотского существования к Раю неоплатонического экстатического соединения с Единым, символику света и тьмы, мотив зрения-взирания [Liebregts 2004]. В статье Е. А. Кешоковой прослеживается «трансформация образа вечного странника» Одиссея, заимствованного Паундом из «Божественной Комедии», в символ «творческого духа, творящего историю и культуру» [Кешокова 2015: 54]. В. М. Толмачев называет Данте одним из европейских праголосов, которые Паунд «переводит на язык современности», подчеркивая значимость этого претекста пояснением названия поэмы «Кантос» – «отсылающего к принципу деления на части “Божественной комедии”» [Толмачев 2013: 116–117]. С. М. Каселла в контексте всего творчества Паунда заключает, что Данте, наряду с Кавальканти, является для американского автора «незыблемым стержнем» итальянского литературного наследия [Casella 2008: 197].

В нашей статье мы обращаемся к тексту Canto XCIII, которое входит в цикл «Рок Дрилл» (“Rock Drill de los Cantares LXXXV–XCIV”, 1953–1956), один из двух завершающих поэму, созданных в психиатрической клинике Св. Елизаветы в Вашингтоне. Общей темой песни можно вслед за А. В. Бронниковым назвать «стилизацию под гимн небесной “платонической” любви» [Бронников 2018: 762]. В этом Canto даны отсылки к различным произведениям Данте: цитаты и аллюзии из «Пира», «Божественной Комедии», упоминание «Новой жизни».

Наиболее подробный анализ *Santo* ХСШ представлен в работе П. Либригтса «Паунд и неоплатонизм» (2004). Называя «Пир» Данте одним из основных претекстов всего цикла «Рок-Дрилл», автор монографии в анализе данного *Santo* почти все внимание сосредоточивает на цитатах из «Божественной Комедии», прослеживая связи Данте и неоплатонизма, которые, по мнению исследователя, интересуют Паунда.

Нам представляется необходимым более подробно проанализировать отсылки в «Пиру» в тексте *Santo* ХСШ. П. Либригтс отмечает этот претекст: «...часть первой половины *Santo* ХСШ представляет собой своего рода поэтический комментарий к *Convivio* Данте» [Liebregts 2004: 316]. Вкратце поясняется, что Данте в «Пире», комментирует канцоны, в которых любовь к прекрасной женщине предстает как аллегория интеллектуальной любви лирического героя к философии. В тексте *Santo* ХСШ выделяется одна цитата из «Пира» (4,11), посвященная критике богатства, как проявления низменного и несовершенного в силу несправедливости распределения: «and mentions distributive Justice, Dante does, in *Convivio* / Four, eleven / "cui adorna esta bontade"...» [Pound 1975: 627]. Это интерпретируется как отражение связи любви и гражданского порядка: «Только любовь может привести к знанию, которое может привести к справедливости, как способа осуществления любви на практике» [Liebregts 2004: 316].

Обратимся к иным, содержащимся в тексте *Santo* ХСШ отсылкам к «Пиру» Данте. Так, в свойственной Э. Паунду хаотичной манере сочетать самые разные источники после изображения иероглифа «чжи-чжи» [Паунд 2018: 572], символизирующего разум, упоминаются Авиценна и Аль-Газзали: «chih / chih. / Avicenna and Algazel» [Pound 1975: 625]. Такая своеобразная «идеограмма» напоминает пассаж из второго трактата «Пира» Данте, в котором, метафорически сопоставляются наука и «небо», объединяемые одним из таких общих признаков, как «дарование совершенства вещам, к совершенству предрасположенным» [Алигьери 1968: 155]. Исламские философы называются у Данте рядом с Платоном как те, кто усматривает источник дарования совершенства в «небесных двигателях» [там же]. В конечном итоге со ссылкой на Аристотеля рассуждение подводится к тому, что небеса, даруя совершенство, равнозначны науке, которая приводит к совершенству, понимаемому как «благо разума» [там же]. Обращение Паунда к этому контексту «Пира» представляется стремлением показать своеобразное интернациональное, находящее подтверждение в различных культурах, отражение неоплатонической идеи достижения совершенства посредством

разума. Данте в этом ключе видится не только как представитель европейской традиции в этом интернациональном синтезе, но и как великий предшественник, наметивший пути сближения философских идей разных культур.

Обратимся к следующим строкам из *Canto XCIII*, в которых Паунд использует детали развернутого сравнения неба и науки из дантовского «Пира»: «The 8th being natural science, 9th moral / 8th the concrete, 9th the agenda» [Pound 1975: 625]. Упоминание здесь восьмого неба и девятого, связанных с естественными науками и с моралью, соответственно, представляет собой практически точный пересказ идей Данте во втором трактате «Пира»: «...первые от нас семь небес – это небеса планет; далее над ними – еще два подвижных неба, а над всеми – еще одно, покоящееся. Семи первым небесам отвечают семь наук тривиума и квадривиума, а именно – Грамматика, Диалектика, Риторика, Арифметика, Музыка, Геометрия и Астрология. Восьмой же сфере, звездной, соответствует наука о Природе, именуемая Физикой, и первонаука, именуемая Метафизикой; девятой сфере соответствует наука о нравственности, а покоящемуся небу соответствует наука божественная, которую называют Богословием» [Алигьери 1968: 155-156]. Чуть ниже у Паунда 8-е небо изображается как небо звезд, а 9-е – как кристалл: «Agassiz with the fixed stars, Kung to the crystalline»¹ [Pound 1975: 625]. Эти характеристики также повторяют рассуждения из «Пира» (ср. «После <...> семи первых небес надлежит перейти к остальным, которых три, как уже не раз сообщалось. Поистине, Небо Звезд, можно сравнить с Физикой на основании трех свойств и с Метафизикой – на основании трех других. Оно обнаруживает свою сущность в двух явлениях: во-первых, в множестве звезд; во-вторых, в Млечном пути... Небо звезд являет нам множество звезд... Млечный Путь не что иное, как множество неподвижных звезд, настолько мелких, что различить их мы не можем» [Алигьери 1968: 158-159], «Кристалльное небо, которое выше было названо Перводвигателем, имеет очевидное сходство с Нравственной Философией» [Алигьери 1968: 160]). Данте последовательно выстраивает «небесную» иерархию: «Нравственная Философия определяет для нас порядок других наук... названное небо своим движением упорядочивает суточное обращение всех остальных, благодаря чему все эти небеса ежедневно получают [и передают] земле всю совокупность своего воздействия» [Алигьери 1968: 160]. Паунд, упоминая восьмое и девятое небеса, словно бы изображает вершину иерархии мироустройства, а возможно, намекает на высшую десятую сферу.

Следует упомянуть рассуждения Данте об обитателях сфер выше восьмого неба – «интеллектах», которых «в просторечии люди называют их ангелами» [Алигьери 1968: 139]. Они существуют за пределами физической материальной реальности и так же, как и люди, сочетают два блаженства – жизни созерцательной и жизни общественной. Последняя понимается как деятельность по управлению Вселенной, которая, будучи движимой этими «интеллектами», подобна упорядоченному государству, что являет идеальный прообраз и для человеческого мира: «...хотя им и подобает жизнь только созерцательная, все же из самого созерцания некоторых из этих субстанций и вытекает вращение небес, а это относится к управлению Вселенной; Вселенная же уподобляется упорядоченному государству, задуманному в созерцании его двигателей...Об этих числах, чинах и иерархиях повествуют подвижные небеса, коих девять, десятое же как раз и возвещает единство и устойчивость Божественного начала...Разумно предположить, что двигатели неба Луны принадлежат к чину ангелов, двигатели Меркурия – к чину архангелов, а Венеры – к чину престолов. Порожденные любовью Духа Святого, выявляют они действия, им присущие, а именно создают движения данного неба, полного любви. В этом небе обретает свой облик некое добродетельное пламя, силою которого души возгораются любовью сообразно со своей готовностью ее воспринимать» [Алигьери 1968: 144]. Данная мысль коррелирует с приводимыми выше комментариями П. Либригтса к цитате из «Пира» в *Canto* ХСIII о важной для Паунда идее связи созерцаемой в эмпирии любви-истины с гражданским порядком.

Таким образом, в тексте *Canto* ХСIII при помощи отсылок к «Пиру» словно бы воссоздается модель вселенной, отражающая физическую и метафизическую ее составляющие, а также важнейший принцип ее организации: разумное устройство, предполагающее в совершенных существах сочетание созерцательной и деятельной активности.

Еще одной отсылкой к «Пиру» является описание того состояния, к которому стремится лирический герой поэмы «*The Cantos*», – созерцания истины. Паунд выражает свою мысль очень кратким заимствованием – «не всегда» [Паунд 2018: 572] ("non sempre" (in the 3rd of *Convivio*) [Pound 1975: 626]). Это то, что у Данте имело форму понятия «прерывистое лицезрение». Так, в комментарии строки из любовной канцоны «...когда любовь Амором им дана...» поясняется: «Итак, я утверждаю, что люди, влюбляющиеся в нее здесь, то есть в этой жизни, воспринимают ее в своей мысли не всегда, но лишь тогда, когда Амор даст им воспринять нечто от его мирного блаженства» [Алигьери 1968: 193]. По мысли Данте, человек, в отличие от ангелов, отрешенных от

материального, не всегда, не постоянно пребывает в активном созерцании Божественного, которое становится доступным ему в облике прекрасной благородной дамы, а потому человеческая мудрость, т. е. влюбленность в философию, зачастую бывает недейственной и пассивной. Но все равно люди, предрасположенные к разумному созерцанию, а не потаканию страстям, достойны звания философа (любомудра), пусть и «с разрывами». Подчеркивание этого человеческого, слишком человеческого у Паунда коррелирует и с упоминаемым выше делением на физическое – располагающееся до 8-го неба и метафизическое – располагающееся на 9-м и 10 (кристальном небе и Эмпирее, по Данте), а также отражает динамику метасюжета всей поэмы «The Cantos»: путешествие лирического героя-Одиссея «за знанием», его приближение к созерцанию истины и возвращение в земную реальность, лишь опосредованно с искомой истиной связанную. Подобный же сюжет реализуется в анализируемом *Santo* ХСIII: начинается текст песни с высказывания, приписываемого Паундом фараону Хети (фраза дана в написании иероглифами и в переводе на английский: «"A man's paradise is his good nature"» [Pound 1975: 623]), словно предваряющего рассуждения о 9-м небе, ассоциирующемся с моралью; затем «идеограмма» сочетающая разум и мораль, отражающая в иерархии этих небес путь достижения блаженного состояния познания; в последних же строках звучат слова из XXVIII песни «Чистилища» («tu mi fai rimembrar»), которые произносятся лирическим героем «Божественной Комедии» в земном Раю, и могут интерпретироваться как намек на временное расставание² с открывшимся знанием, прерывание созерцания Божественного.

В целом следует отметить, что «Пир» Данте является важным претекстом для понимания *Santo* ХСIII. Из сочинения великого предшественника Паунд заимствует стройную систему представлений о мироустройстве, сущностных связях важнейших категорий (разума, морали, любви, человеческой природы), а также указание на высшее для человека состояние познания/созерцания истины. Помимо этого, в тексте Данте отражена значимая для всей поэмы «The Cantos» идея общности различных культур в понимании основополагающих понятий, Паунд в свою очередь усложняет интернациональный контекст, обращаясь к китайским и египетским источникам. «Пир» Данте, наряду с «Божественной Комедией» включенный в сложную систему интертекстуальных отсылок, становится одной из основ, организующих в тексте *Santo* ХСIII иные претексты, в том числе и потому, что относится к эпохе, не затронутой, свойственной, по мнению Паунда, Новому времени искажением естественного порядка развития общества и культуры.

Примечание

¹ Паунд вновь объединяет разные культурные пласты: 8-е небо, соотносимое с естественными науками, ассоциируется с именем естествоиспытателя Луи Агассиса, одного из «величайших ученых своего времени» и «основоположника современной научной традиции Америки» [Подольский 2007: 213], известного сочетанием креационистских и эволюционистских взглядов [Подольский 2007: 216]; 9-е, представляющее собой сферу нравственной науки – с именем Конфуция.

² В тексте Паунда цитируется часть терцины из «Божественной Комедии»: «Tu mi fai rimembrar dove e qual era / Proserpina nel tempo che perdette / la madre lei, ed ella primavera» [Alighieri] («Ты кажешься мне юной Прозерпиной, / Когда расстаться близился черед / Церере – с ней, ей – с вешнею долиной») [Алигьери 1967: 281]).

Список литературы

Алигьери Д. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука. 1967. 655 с.

Алигьери Д. Пир / пер. прозаич. части А. Г. Габричевского, канцон И. Н. Голенищева-Кутузова // Данте Алигьери. Малые произведения. Москва: Наука, 1968. 651 с.

Бродский И. Тень Данте / пер. с англ. Е. Касаткиной // Иностранная литература. 1996. №12. С 11–17.

Бронников А. В. Эзра Паунд и его «Кантос» // Эзра Паунд. Кантос. СПб.: Наука, 2018. С. I–LX.

Кешокова Е. А. Традиция Данте в поэзии американского ренессанса (образ Одиссея в поэмах Эзры Паунда и Уоллеса Стивенса) // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. 2015. С. 51–57.

Паунд Э. Кантос / пер. с англ. А. В. Бронникова. СПб.: Наука. 2018. LX, 881 с.

Подольский Е. А. Неожиданный ракурс. Жан Луи Родольф Агассис // Материалы гляциологических исследований. 2007. Вып. 103. М.: Институт Географии РАН. С. 213–221.

Толмачев В. М. Эзра Паунд // История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами. Т. VI. Книга 2. М.: ИМЛИ РАН. 2013. С. 78–125.

Alighieri D. La Divina Commedia // URL: <http://dantelt.ru/commedia/pur28.html?ysclid=lx6lsy12sq581395250> (дата обращения: 20. 03.2024).

Bush R. The genesis of Ezra Pound's Cantos. Princeton: Princeton University Press. 1976. xv, 327 p.

Casella S. M. Making Italian New Pound's Italian Between Dante and Propaganda // Quaderni di Palazzo Serra. Ezra Pound, Language and Persona. 2008. № 15. P. 195–209.

Fussell E. Dante and Pound's «Cantos» // Journal of Modern Literature. 1970. Vol. 1. No. 1. P. 75–87.

Liebregts P. Ezra Pound and Neoplatonism. Madison: Fairleigh Dickinson University Press. 2004. 461 p.

Pound E. The Cantos of Ezra Pound. London: Faber and Faber. 1975. 803 p.

Simpson L. Three On The Tower: The Lives And Works of Ezra Pound, T. S. Eliot and William Carlos Williams. New York: William Morrow & Company. 1975. 373 p.

DANTE'S SHADOW ON THE PAGES OF *THE CANTOS* BY E. POUND

Ludmila V. Bratukhina

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature
Perm State University,

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Submitted 01.06.2024

The article examines the intertext in the poem “The Cantos”, associated with such sources as the works of Dante Alighieri, one of the most authoritative predecessors for E. Pound. Canto XCIII, part of the “Rock Drill” cycle (1953-1956), is analyzed. In the text of this Canto are interpreted quotes and allusions from “Convivio” by Dante. The analysis reveals ideas about the structure of the universe and its driving forces, reflected in the text of Canto XCIII, borrowed by Pound from Dante. The idea of “international” intertext, which is significant for the work of the American author, is emphasized in the fragments of “Convivio” quoted in the text of Canto XCIII. Also, similar motives can be traced in Dante and Pound in understanding the specifics of realizing the contemplation of truth as the highest goal of a reasonable person. The conclusion is drawn about the significance of this pretext for understanding Canto XCIII.

Key words: E. Pound, *The Cantos*, Canto XCIII, Dante, «Convivio», *Divine Comedy*, neoplatonism, intertext.

Пробьба сьсылаться на эту статью в руськоязычных источниках следующим образом:

Братухина Л.В. Тень Данте на страницах поэмы Э.Паунда «The Cantos» // *Мировая литература в контексте культуры.* 2024. № 18 (24). С. 98–105. doi 10.17072/2304-909X-2024-18-98-105

Please cite this article in English as:

Bratukhina L.V. Ten' Dante na stranichah poemu E.Paunda «The Cantos» [Dante's Shadow on the Pages of *The Cantos* by E. Pound]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2024, issue 18 (24), pp. 98–105. doi 10.17072/2304-909X-2024-18-98-105